

A black and white close-up portrait of Vladimir Pozner. He is an older man with a balding head and visible wrinkles. He is resting his chin on his right hand, looking slightly to the left with a thoughtful expression. The background is dark and out of focus, showing another person's face in the distance.

**ВЛАДИМИР
ПОЗНЕР**

ОДНОЭТАЖНАЯ АМЕРИКА

СУБЪЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД

Владимир Владимирович Познер
Одноэтажная Америка
Серия «Владимир Познер.
Субъективный взгляд»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54327285
Владимир Владимирович Познер: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-121545-3

Аннотация

«Одноэтажная Америка» – это осуществившаяся мечта Владимира Познера, мечта, к которой он шел 25 лет – с тех самых пор, когда прочитал одноименную книгу Ильфа и Петрова и загорелся желанием повторить их путешествие по Америке. В книге, написанной как бы «по следам» знаменитой передачи – то, что осталось за кадром. Города, события, история, лица. Такой Америки вы не знали!

Содержание

Несколько слов по поводу	5
Необходимое признание и предупреждение	10
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владимир Познер

Одноэтажная Америка

© Познер В. В.

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Фотография на обложке Варвара Гертье/ РИА Новости

Фотоматериалы предоставлены ФГУП МИА «Россия сегодня»

Несколько слов по поводу

Так случилось, что к русскому языку я пришел позднее вас, читатель. Не стану объяснять почему: история эта длинная, да к тому же относящаяся к давно прошедшим годам. В связи с этим поздним приходом я стал читать русскую литературу в относительно зрелом возрасте, то есть я не «проходил» ее, как школьник, который часто рассматривает это не как удовольствие, а как скучную обязательку, а именно читал. Учась на первом курсе биолого-почвенного факультета МГУ, я подружился с Семеном Милейковским, человеком весьма начитанным, несмотря на свои семнадцать лет, который познакомил меня с Ильфом и Петровым, точнее, с «Двенадцатью стульями». Познакомил довольно своеобразно, читая мне страницу за страницей чуть ли не шепотом, во время летней практики, когда не было никого рядом. Это был год 1953-й, и хотя Ильф и Петров не числились среди писателей запрещенных, они и не были особенно разрешенными: после 1937 года произведения Ильфа и Петрова не переиздавались – видимо, ни «Двенадцать стульев», ни «Золотой теленок» не вписывались в идеологические каноны страны победивших рабочих и крестьян. Тем более это относилось к «Одноэтажной Америке», о которой я хотел бы сказать особо. В 1935 году Илья Ильф и Евгений Петров были откомандированы газетой «Правда» в Соединенные Штаты Америки для

написания книги об этой стране. Это уже само по себе удивительно (тем более что у Ильфа были родственники, которые в свое время эмигрировали из России в Америку). В «Правде», главном печатном органе ВКП(б), ничего не появлялось случайно. По каким соображениям было принято решение послать двух писателей-сатириков в Америку, чтобы потом печатать их впечатления на страницах этой идеологической «библии» партии? Мы вряд ли узнаем ответ на этот вопрос. Потому ли, что всего лишь за три года до этого на пост президента США был избран Франклин Делано Рузвельт и были установлены дипломатические отношения между СССР и США? Потому ли, что рассчитывали именно на сатирический талант писателей, которые представят советскому читателю американский капитализм «соответствующим» образом? Так или иначе, они поехали. Прибыв в Нью-Йорк, Ильф и Петров провели там месяц, налаживая контакты и готовясь к поездке. Им, не знавшим английского языка и не умевшим водить машину, удалось найти американскую супружескую пару, которая согласилась быть их водителями-переводчиками, купили новенький «форд» и отправились. Путешествие длилось ровно шестьдесят дней. Они проехали из Нью-Йорка, на Восточном побережье, до Калифорнии, на Западном, и обратно, побывав в двадцати пяти штатах и сотнях городов и населенных пунктов, они встретились с бесчисленным количеством американцев и, вернувшись домой, написали книгу. Книгу совершенно удивительную по нескольким при-

чинам. В ней сорок семь глав, причем известно, что семь глав они написали вместе, а двадцать – раздельно. Однако только специалист-текстолог способен определить, какие главы писал Ильф, а какие Петров. Это во-первых. Во-вторых, ни Ильф, ни Петров не бывали раньше в Америке и не знали английского, что уже было отмечено, но это нисколько не помешало им необыкновенно тонко и точно почувствовать дух страны и народа. Я, человек, выросший в Америке и прочитавший множество книг о ней, полагаю, что «Одноэтажная Америка» не только лучшая книга, написанная иностранцами об Америке (за исключением исследования де Токвиля «О демократии в Америке» середины XIX века), но вообще одно из лучших «открытий Америки», с которым может сравниться разве что «В поисках Америки с Чарли» Джона Стейнбека. Каким образом этим двум одесситам удалось всего лишь за три месяца разобраться в сложнейшей стране – для меня загадка. Сегодня, перечитывая «Одноэтажную...», понимаешь, что, по существу, они очень мало в чем ошиблись, если не считать, конечно, некоторых их оценок, касающихся, например, джаза и американского кино. И еще: это был 1935 год, тяжелейшее время Великой депрессии, охватившей Америку, лишившей работы миллионы людей, но при этом ни Ильф, ни Петров не сомневались в способности американского народа выстоять, преодолеть кризис. Пожалуй, они ошиблись только в одном: сравнивая Советский Союз и США, они неизменно подчеркивали преимущества

первой страны социализма перед главной страной капитализма: только что в СССР триумфально завершилась первая пятилетка, страна явно была на подъеме, об ужасах насильственной коллективизации знали не многие, массовые репрессии 1937–1938 годов еще были впереди. Как мне кажется, Ильф и Петров искренне верили в преимущества советского социализма. Восхищаясь достижениями американцев и Америки, они искренне возмущались социальной несправедливостью американского общества, и, хваля СССР, они не «отрабатывали номер», а с гордостью подчеркивали преимущества той страны, гражданами которой они имели счастье быть. Да, они заблуждались – что ж, заблуждались не только они.

* * *

В 1961 году, когда вышло пятитомное собрание сочинений Ильфа и Петрова, я впервые прочел «Одноэтажную Америку». Прошли годы. Я сменил множество работ – был литературным секретарем Самуила Яковлевича Маршака, ответственным секретарем журналов «Совет лайф», «Спутника», комментатором Главной редакции радиовещания на США и Англию Гостелерадио. Именно там, в конце семидесятых, я стал регулярно выступать на разных каналах американского телевидения (делалось это по спутнику связи, поскольку я был невыездным). Приблизительно в это время я

перечитал «Одноэтажную...» и тогда подумал: как было бы здорово повторить путешествие Ильфа и Петрова, но на сей раз для телевидения. Эта мечта казалась совершенно нереальной. Я знал, что меня никогда не выпустят из страны – по крайней мере так заявил мне в лицо какой-то генеральский чин с бычьим затылком. Как выяснилось, генерал заблуждался: не стало больше невыездных, пал «железный занавес», а с ним и главное препятствие на пути осуществления задуманного. Но должно было пройти еще много лет, судьбе предстояло выписать затейливые кренделя, должны были совпасть самые разные обстоятельства, звезды и планеты выстроиться определенным образом, чтобы все сошлось. Потребовалось двадцать пять лет, но мечта осуществилась: мы – наша телевизионная группа – повторили путешествие Ильфа и Петрова, сняли документальный фильм «Одноэтажная Америка». Несмотря ни на что, все сбылось. Как писал когда-то мой любимый Николай Васильевич Гоголь: «Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете, – редко, но бывают». Прав был Гоголь. Прав.

Необходимое признание и предупреждение

Признание заключается в том, что Владимир Познер – не Илья Ильф и Евгений Петров. Сходство определенное есть, конечно, но лишь поверхностное: и они, и я совершили путешествие по Америке, проехав шестнадцать тысяч километров с востока на запад и с запада на восток. И они, и я написали по этому поводу книгу с одним и тем же названием – «Одноэтажная Америка». На этом сходство кончается. Эта книга состоит из наблюдений и размышлений, не вошедших в документальный фильм, она все-таки вторична: это путевые заметки, сделанные, как говорится, вслед. Для россиян, которые не читали и даже не слышали о книге Ильфа и Петрова (а таких, как выясняется, на удивление много), хочу сказать, что, взяв название Ильфа и Петрова для своей книги, я хотел этим лишь подчеркнуть свое восхищение ими, а поставив название своей книги в кавычки, я тем самым даю понять, что оно не мной придумано и является на самом деле цитатой.

Глава 1

О том, как мы приехали в Нью-Йорк и не попали в Куперстаун

Мы в Нью-Йорке. Мы – это наша съемочная группа, состоящая из 12 человек: Режиссера Валерия Спирина, человека, напоминающего собой сонливого полярного медведя – во-первых, своими габаритами, как в смысле роста, так и веса, во-вторых, окрасом и, в-третьих, повадками: он нетороплив в движениях и в речи, смотрит на вас чуть отстраненным голубым взором (голубоглазые полярные медведи встречаются редко, но встречаются), однако совершенно понятно, что будить его не надо, себе дороже. • Операторов Влада Черняева и Михаила Козлова. Операторы – народ особый. Они, как правило, всё видели и всё знают. Прежде всего они знают, что самое главное – это картинка, то есть то, что они считают нужным снимать. Все остальное – это так, антураж. Эти господа в течение всей поездки щеголяли в каких-то полушортах, драных майках и сандалиях, которые явно видели лучшие дни. Я не могу сказать, что они смахивали на арабских террористов, но то, что они вызывали определенную настороженность у американской публики, – это факт. • Звукооператора Ивана Нехорошева, человека с томным взглядом, который в свободное время разговаривал

по сотовому телефону с каким-то невероятным количеством московских, а возможно, и не московских подруг и поклонниц. Видимо, это его так отвлекало от происходящего, что он часто только в последний момент вспоминал, что надо «омикрофонить» того или иного участника съемок, и начинал суетливо носиться между аппаратурой и объектом, часто роняя микрофоны и путаясь в проводах. • Грива («спеца» по технике) Владимира Кононыхина, человека поразительного спокойствия, молчаливого, от которого веяло необыкновенно приятной уверенностью: все, что он делал, делалось точно и надежно. Невысокого роста, чуть полноватый, Кононыхин был всеобщим любимцем. Именно он придумал, как крепить камеры на кузов нашего джипа на хитроумных присосках так, что на любой скорости и при любых погодных и иных условиях они стояли столь же твердо и незыблемо, как Гибралтар. • Исполнительного продюсера Алены Сопиной. О ней надо сказать особо. Ей надлежало организовать абсолютно все: договариваться с мотелями, где нам предстояло ночевать, устанавливать контакты со всеми объектами съемок, получать все разрешения, вести все финансовые расчеты, улаживать вопросы проката машин (а их было три), подбирать всю кинохронику тридцатых годов – всего не перечислишь. И еще работать переводчицей. Словом, на плечи этого юного и необыкновенно хрупкого существа лег груз совершенно непомерный. Когда что-то не получалось, не важно что, все претензии адресовались ей, Хелене Сопиной (так

она представлялась американцам, для которых имя Алена и ударение на первом слоге ее фамилии оказались совершенно непостижимыми). Она выслушивала все молча, чуть потупив взгляд, и выражение ее лица говорило: «Что ж, это мой крест, вы, конечно, не правы, но спорить с вами нет смысла, уж такова моя участь». Ну просто Жанна д'Арк. • Креативного продюсера Артема Шейнина. О нем американцы бы сказали, что *he is built like a brick shit house*, выражение, которое не имеет русского эквивалента, что-то вроде «он сложен, как кирпичная сральня». На самом деле так говорят о человеке, состоящем из одних мышц. Невысокого роста, но весьма плотного телосложения, казалось, что Артем, подобно танку, может без особых усилий пройти сквозь каменную стену. Когда останавливалась наша кавалькада, Артем аккуратно стелил на асфальт пару газет и начинал отжиматься. Иногда он открывал заднюю дверь второго джипа, в котором он ехал со Спириным и Сопиной, упирался руками в расстеленные газеты, ногами взбирался на багажник, после чего снова начинал отжиматься. Бывший афганец, служивший в десантных войсках, бритоголовый Артем Шейнин навел военный порядок среди нашего разношерстного контингента и, кроме того, благодаря отличному владению английским языком по совместительству служил переводчиком и «ловцом душ»: останавливал прохожих и объяснял им, как важно, чтобы они дали нам интервью. • Водителей мини-автобуса, в котором ехала аппаратура, операторы, грип

и звукооператор, Саши Манюхина и Зоряны Олескив. Оба они эмигрировали в США из Украины. Они знали Америку и американские дорожные порядки хуже местных водителей, но, во-первых, свободно говорили по-русски и, во-вторых, были согласны работать за меньшую оплату, что для нас, считавших каждый доллар, было делом не последним. Саша, который неизменно носил какие-то немыслимые бахилы и совершенно черные носки, получил прозвище «Саша Носков» (автор – Иван Ургант). Что до Зоряны, то... Представьте себе валькирию из опер Вагнера: высокого роста, с гривой золотых волос и... с формами. От ее бюста и общей конфигурации Рубенс остолбенел бы в восторге. Когда она выходила на пляж (а такие случаи были) в бикини, мужская часть населения приходила в состояние полнейшего онемения. Кроме того, ее отличала необыкновенная заинтересованность во всем происходящем, и когда ей это удавалось, она присутствовала при интервью и в самое неподходящее время встревала со своими вопросами. Дитя природы, всегда улыбчивая, радостная, светящаяся. • Продюсера проекта Надежды Юрьевны Соловьевой. Так сказать, начальник, босс. Она проехала с нами лишь часть пути, поскольку у нее были намечены и другие встречи, но душой она всегда была с нами. Пока все шло хорошо, она молчала, когда же нет, виновный мог услышать массу любопытного о себе, о своем будущем, о том, почему он здесь находится – словом, никому не хотелось быть вызванным ею на ковер. Ее всевидя-

щее око следило за нами вне зависимости от ее присутствия – так, по крайней мере, нам казалось. • Соведающего Ивана Урганта. Вряд ли есть необходимость знакомить вас с этим популярнейшим телеведущим. Но все-таки хотел бы сказать вот что: мы долго думали над тем, кто будет «Петровым» в нашей паре (я со свойственной мне скромностью решил, что «Ильфом» буду я). Поначалу руководство Первого канала предложило мне кандидатуру одного весьма известного эстрадного юмориста, чью фамилию не стану называть, известного тем, в частности, что он терпеть не может Америку и американцев. Я решительно этому воспротивился: не для того мы уехали в Америку, в конце концов, чтобы ее «мочить». Потом возникла кандидатура Леонида Парфёнова, но он, будучи главным редактором «Русского ньюсуик», отказался из-за нехватки времени. Затем решили пригласить на эту роль Николая Фоменко, которому предложение страшно понравилось. Но и он, имевший к этому времени другие обязательства, тоже вынужден был отказаться. Вот тут-то кто-то вспомнил об Иване Урганте. Надо сказать, что это не вызвало у меня никакого восторга. Ну остроумен, ну обаятелен. Но настолько меня моложе, настолько из «другой жизни», что мне трудно было представить себе, как мы будем общаться, насколько возможен между нами тандем. Скрепя сердце, я согласился – и был вознагражден. Иван оказался человеком не только остроумным и обаятельным, но и тонко чувствующим, необыкновенно любознательным, на-

читанным, легким в общении и – к счастью – совершенно лишенным «звездности». • И меня, Владимира Познера. Итого двенадцать человек. Позже, уже в Детройте, к нам присоединился соавтор этой книжки, Брайан Кан, стопроцентный американец, который должен был выполнять функцию Мистера Адамса – но о нем я скажу позже, когда доберусь до этого самого Детройта. Свою машину, совершенно черный «ффорд-эксплорер» по прозвищу «Генриетта» (о присвоении ей этого имени еще будет сказано), мы – Брайан, Иван и я – вели попеременно. Когда я не был за рулем, то чаще всего спал, то же самое делал Брайан. Иван же, растянувшись во весь свой немалый рост (194 см) на заднем сиденье (ах, какие же комфортабельные американские машины!), либо слушал музыку по своему АйПоду, либо смотрел кино на своем компьютере. Второй «форд» (прозвище «Алабама» – в соответствии с его номерами) вели то Артем, то Валерий. Закрыл нашу кавалькаду микроавтобус, получивший кличку «Карга» – искаженное на русский лад английское слово cargo (груз). Вот в таком количестве и качестве наша съемочная группа отправилась, чтобы открыть для себя – и для будущих зрителей – Америку.

* * *

Ильф и Петров приплыли в Нью-Йорк в начале октября. Среди множества впечатлений, полученных ими, отсутству-

ет погода. Мы прилетели в конце июля, и самым первым нашим впечатлением была жара. Нью-Йорк летом – это пекло, в котором сам Вельзевул чувствовал бы себя как дома. Ртутный столбик зашкаливает за 40 градусов, в течение всего дня каменный город впитывает в себя жару, а после захода солнца жару отдает. Дышать нечем, и если бы не исправно работающие кондиционеры, а ими оборудованы практически все здания города, трудно представить себе, как бы люди здесь выжили. Хотя... Кондиционеры появились относительно недавно, а люди и город – довольно давно. Что до жары, то она была всегда: свирепая, изнуряющая и влажная. Помню, как в моем детстве в июле у меня на глазах поджарили яичницу прямо на тротуаре. Из сказанного не следует делать вывод, будто в Нью-Йорке не бывает холодно. Бывает. Даже очень. Как холодно? А вот как: Много лет тому назад на Фултоновском рыбном рынке торговала рыбой некая мисс Бёрди. Ее лоток стоял прямо на улице, и около него круглый год горел небольшой костер, в который мисс Бёрди регулярно подбрасывала дощечки от разбитых деревянных ящиков. На ней всегда было надето несколько свитеров, толстые носки и ботинки на толстой же резиновой подошве. Подходя к ней, надо было спросить: «Скажите, мисс Бёрди, как холодно бывает на Фултоновском рыбном рынке?» Переминаясь с ноги на ногу и подпрыгивая чтобы согреться, она отвечала: «Мальчик мой, ты хочешь знать, как холодно бывает на Фултоновском рыбном рынке? Я тебе скажу вот что: поезжай на

Северный полюс, найди самый большой айсберг, пророй в нем туннель до самой середины, разденься догола, сунь себе под мышки побольше снега, сядь голой задницей на лед – и тогда не будет и вполовину так холодно, как на Фултоновском рыбном рынке!» Мисс Бёрди уже давно нет, как, впрочем и самого рынка. Его уничтожили городские власти потому, говорят, что там правила мафия. Может быть, по этой, а может быть, по иной причине, но там, где когда-то кипела торговля и в воздухе крепко пахло морской снедью, на лотках красовались разнообразные дары моря, осталось лишь несколько жалких строений. Итак, жара. Она сопровождала нас в течение всего нашего пребывания в этом городе, в котором я вырос и который нежно люблю. Кстати говоря, Нью-Йорк не допускает безразличия: его либо любят, либо терпеть не могут, середина отсутствует. Изменился ли Нью-Йорк с тех пор, как побывали в нем Ильф и Петров? Конечно. Исчезли «надземки», которые со страшным грохотом проносились на уровне третьего этажей домов, расположенных на 3-й и 7-й авеню. Исчезли почти все пятиэтажные дома, на фасадах которых лепились пожарные лестницы. Появилось множество хай-райзов, то есть, домов высоких, этажей в сорок, но все-таки недотягивающих до звания небоскребов. Почти на каждом шагу можно встретить лотки на колесах (их привозят утром и увозят вечером, прицепив к небольшим грузовикам), у которых можно подкрепиться утренним кофе с булочкой и купить все – от фруктов и ово-

щей до хот-догов, гамбургеров, фалафела и много еще чего. В овощных лавках вместо итальянцев торгуют корейцы, и от «Маленькой Италии» под натиском разросшегося Чайна-тауна остались рожки да ножки. В Центральном парке, где прежде просто гуляли, поджарые жители Нью-Йорка бегают, катаются на роликовых коньках, мчатся на велосипедах; они же бегают трусцой и по улицам, не обращая никакого внимания на автомобильное и иное движение. Да, город изменился, но не изменилось в нем главное: характер. Ильф и Петров писали: «Сейчас же с нами произошла маленькая беда. Мы думали, что будем медленно прогуливаться, внимательно глядя по сторонам, – так сказать, изучая, наблюдая, впитывая и так далее. Но Нью-Йорк не из тех городов, где люди движутся медленно. Мимо нас люди не шли, а бежали. И мы тоже побежали. С тех пор мы уже не могли остановиться». Так было, так есть. Если вы встретите человека, который передвигается размеренной походкой, значит, он не родом из Нью-Йорка, а приехал откуда-нибудь из Монтаны или Айдахо, чтобы поглазеть на Эмпайр-стейт-билдинг и иные достопримечательности этого города. Коренному жителю некогда глазеть, он спешит – принципиально, концептуально, как хотите. У него есть дело, а дело не терпит отлагательств. Рассказывают такую историю: какой-то приезжий обращается к проносящемуся мимо него жителю Нью-Йорка: «Вы знаете, где находится Эмпайр-стейт-билдинг?» «Конечно, знаю!» – бросает в ответ тот и мчится дальше.

Каков вопрос, таков ответ. Если спросили бы, как пройти к Эмпайр-стейт-билдингу, тот бы объяснил, а спросили, знает ли он, где Эмпайр находится. Знает, конечно. Уровень энергетики в этом городе не поддается измерению. Дыша этим воздухом, человек становится сильнее и моложе, шагает шире и быстрее, ему сам черт не брат, все как будто наэлектризовано, темп, темп и еще раз темп. Нельзя не сказать о небоскребах. Когда приближаешься к Нью-Йорку по воде, они возникают вдруг, будто вынырнули, это захватывающее зрелище, глаз нельзя оторвать от знаменитого скайлайна – силуэта, от вида которого у меня всегда бывают мурашки по коже, к нему нельзя привыкнуть, он поражает. Как писали Ильф и Петров, «нью-йоркские небоскребы вызывают чувство гордости за людей науки и труда, построивших эти великолепные здания». В Нью-Йорке мы забрались на смотровую площадку Эмпайра, побывали ночью на Таймс-сквер, где по-прежнему в это время светло, как днем, где миллионы электрических и неоновых лампочек и трубок уступили место плазменным экранам и прочим чудесам современного хай-тека, исследовали старый Нью-Йорк, ту часть города, которая при голландцах называлась Нью-Амстердам и где улицы бегут вкривь и вкось, а не строго под девяносто градусов друг к другу, полюбовались изумительным по красоте Бруклинским мостом и вспомнили историю о том, как немецкий инженер-иммигрант Джон Роблинг начал строить его в 1869 году, как он погиб при строительстве, как подхва-

тил отцовское дело его сын Вашингтон, который, став инвалидом на строительстве, перепоручил это дело своей жене Эмили Уоррен Роблинг, которая довела-таки дело до конца. Мы попытались представить себе, как 24 мая 1883 года президент Соединенных Штатов Честер Артур и огромная толпа людей, шедших со стороны Манхэттена, встретили мэра Бруклина во главе бруклинской толпы на середине моста, как гремели приветственные пушечные залпы и выли сирены, а потом – как все эти люди подошли к балкончику дома, на котором сидели парализованный Вашингтон Роблинг и его жена Эмили, и низко поклонились им. Были мы и в Гарлеме, который от старого Нью-Амстердама находится точно на таком же расстоянии, на каком Гарлем в Голландии находится от Амстердама. Судя по тому, что писали Ильф и Петров, они в Гарлеме не были, но он тогда был другим: местом для белых опасным, трущобным. Сегодня он возрождается: там никогда не было ни хай-райзов, ни небоскребов, строились очень красивые дома для людей весьма обеспеченных, которые потом, при появлении первых чернокожих жителей, оттуда бежали. Теперь эти здания восстанавливаются и отличаются совершенно неамериканской красотой, напоминая, скорее, Европу. «Джаз можно не любить, в особенности легко разлюбить его в Америке, где укрыться от него невозможно. Но, вообще говоря, американские джазы играют хорошо». Так писали Ильф и Петров. Мне кажется, что они не очень понимали, что такое джаз. Может быть, под джазом

они подразумевали разновидность американской попсы, от которой и в самом деле укрыться невозможно – как тогда, так и сейчас. Но джаз – это музыка для знатоков, я бы даже сказал, для избранных, в джазе надо разбираться ничуть не меньше, чем в музыке симфонической, классической. Джаз не встречается на каждом шагу, его надо искать – так было тогда, так обстоят дела и сейчас. В его поисках мы приехали в Гарлем, но и там нашли его с трудом в одном довольно хилом на вид ресторанчике, в котором играли три пожилых джентльмена, старшему из них – саксофонисту – был 91 год (!). Зрелище это было скорее печальное, чем музыкальное, что-то из области натуры уходящей. Любитель этой музыки Иван Ургант сильно приуныл – мне даже показалось, что он вот-вот либо заснет, либо заплачет. Правда, в этот же вечер (кажется) мы побывали в клубе «Блю ноут», джазовой мекке Нью-Йорка, где получили полное удовольствие и довольно внушительный счет, искупленный, впрочем, удовольствием, которое доставили нам как виртуозные музыканты, так и сама атмосфера тихого восторга, странного братства, рождаемая джазом. Среди удобств Нью-Йорка я непременно назвал бы такси. Не успели вы подумать, что вам необходимо такси, как оно тут как тут. Никаких очередей, поднял руку – через минуту садись. Правда, есть одно «но»: бесцеремонность ньюйоркцев. Собственно, бесцеремонны американцы в целом. Если, например, по эскалатору поднимается пара американцев, которым хочется поговорить, они, сойдя, мо-

гут запросто остановиться и, не обращая никакого внимания на идущих за ними людей, продолжать свою беседу. То же самое произойдет у входа в здание, у магазинного прилавка. Что до такси, то вы можете стоять на обочине с поднятой рукой, что вовсе не мешает ньюйоркцу обойти вас метра на три и тоже поднять руку, остановить «вашу» машину и сесть в нее. Философия простая – кто не успел, тот опоздал. В свое время Ильф и Петров отмечали, что «такси в Америке красятся в самые вызывающие цвета – оранжевый, канареечный, белый». И правда, в разных городах такси красятся в разные цвета, в Нью-Йорке же – исключительно в желтый. Когда-то за рулем этих машин сидели белые американцы, которые прекрасно знали город и были интереснейшими собеседниками. Ныне найти белого водителя почти невозможно. Как правило, это восседающие в тюрбанах выходцы из Индии, Пакистана (один из редких белых водителей, с которым мне довелось ехать, презрительно сказал о них, что «это те, которые носят белье на голове»), Латинской Америки и Азии. Они плохо знают английский язык, еще хуже знают город и беспрерывно разговаривают по какой-то специальной связи со своими соплеменниками на абсолютно никому не понятном языке. Правда, иногда попадаются прелюбопытные личности, как, например, совершенно черный таксист, которого мы снимали. Он приехал когда-то с Берега Слоновой Кости, совмещает свою работу с выступлениями возглавляемой им музыкальной группы, продемонстрировал

нам образец своего искусства (рэп), а на вопрос: «Что для вас значит быть американцем?» – ответил так: «Значит, быть тем, кем хочешь, делать то, что хочешь, быть свободным, если только ты этим не ограничиваешь свободу другого». Со-мневаюсь, чтобы такое сказал таксист любой другой страны. И не только таксист.

* * *

Нью-Йорк – город ресторанный. Я не скажу, что здесь на-ходятся самые вкусные рестораны в мире, но зато вам пред-лагается кухня любой страны – от аргентинской до японской. Есть рестораны, куда попасть не составляет никакого труда, есть рестораны модные, куда попасть сложно и надо заказыв-ать столик иногда за неделю или две, но есть один ресто-ран, куда попасть вообще нельзя. Нет, это я хватил, попасть, конечно, можно, но... Далеко от центра Манхэттена, на Во-сточной 114-й улице, в той части Гарлема, которая когда-то давно была итальянской, но уже давно стала пуэрторикан-ской, находится ресторан «Рэо'с». Входишь – ничего особен-ного: справа барная стойка, слева вход на кухню, а прямо – зал не зал, комната на восемь примерно столов. Стены уве-шаны сотнями фотографий разных знаменитостей мира ки-но, искусства и политики, у одной из стен стоит музыкаль-ный автомат сороковых годов. Кроме того, народ: все столы заняты, за барной стойкой не протиснется даже хоре-к, все

помещение охвачено дурманящим запахом домашней итальянской кухни, стоит шум и гомон, и надо всем этим царит хозяин ресторана Фрэнки Пеллегрини. Следует сказать еще вот что: столики в «Рэо'с» не заказываются, а покупаются, скажем, на год или на всю жизнь, при этом стол покупается на определенный день недели (кроме субботы и воскресенья, когда ресторан закрыт(!)). Допустим, вы купили стол на каждую среду, и предположим, что вы в какую-то среду прийти не сможете. В этом случае вы звоните и сообщаете, что ваш столик свободен, и вот тут-то позвонят какому-то счастливцу, который записался в очередь год назад, и сообщат, что он может прийти в среду. С Фрэнки Пеллегрини я знаком давно и обязательно хотел, чтобы мы поснимали у него. Но это дело деликатное. Не только потому, что не все посетители ресторанов хотят стать объектами внимания телевизионщиков, но еще и потому, что к Фрэнки, помимо знаменитостей, ходят... ну как вам сказать? Великолепно постриженные, с ухоженными руками, предельно модно, хоть и чуть броско, одетые, с дорожными на пальцах перстнями и золотыми браслетами на кистях рук господ, которых, как вам кажется, вы точно видели... но где? Ах, ну да, конечно же! В кино! В каком? Ну, в «Крестном отце» или в телесериале «Сопранос». А когда этим людям что-то не нравится, могут последовать крайне неприятные события. Так я стал называть Фрэнки: бесполезно. Телефон занят наглухо. В конце концов сел в такси и поехал в «Рэо'с». Там не сервируют ни

завтраков, ни обедов, поэтому было пусто – на кухне возился какой-то молодой человек. Я оставил ему записку с просьбой, чтобы Фрэнки созвонился со мной. Но звонка я не дождался и решил, на свой страх и риск, привести всю группу вечером. Подъехали часов в девять. Я просил никого не выходить из машин и сам пошел в ресторан. Как всегда, стоялым коромыслом, как всегда, столы обходил Фрэнки Пеллегрино, шикарный, изящный Фрэнки в великолепно сшитом темно-синем костюме и белоснежной рубашке с расстегнутым воротником. Фрэнки – типичный образец итальянца с юга: черные густые волосы, темно-карие, чуть навывкате, глаза, смуглая кожа, крупный нос, сверкающие белые зубы. Да, он итальянец, но во-вторых. Во-первых, он американец, который никогда не забывает о том, что его дедушки и бабушки иммигрировали и начинали с нуля, и вот он, их внук, добился всего: славы, денег, успеха. «Только в Америке, – говорит он мне, – где еще такое могло бы произойти?» Вечер удался на славу. Фрэнки вышел на середину зала, поднял руки, попросил всех сидеть тихо, представил меня как своего ближайшего и любимого друга, рассказал о том, что мы снимаем документальный фильм об Америке – и все пошло как по маслу. Если, конечно, не считать, что я слегка злоупотребил. Стоя у бара, я не возражал, когда бармен по прозвищу Ники-жилет (по его словам, у него несколько сотен жилетов) раз за разом наливал то двойной виски, то двойной мартины – словом, на следующее утро я не мог вспомнить, что я

сказал в своей прощальной речи. Более того, я не мог вспомнить, говорил ли я что-нибудь вообще. Американцы обожают отдыхать, развлекаться, это у них называется to have fun, to play, и делают это они с энтузиазмом, изо всех сил. Но они с таким же энтузиазмом и тоже изо всех сил работают, я бы даже сказал, вкалывают. Нигде так не работают, как в Америке, и, пожалуй, нигде так не «отдыхают» – ставлю кавычки, потому что отдых все же предполагает покой, чего американский «отдых» вовсе не предусматривает.

* * *

Прибывшие в Нью-Йорк в восьмидесятые годы XX века бабушки и дедушки Фрэнки Пеллегрини должны были пройти иммиграционный фильтровочный пункт на Эллис-айленд, на острове Эллис. Там ныне находится Музей иммиграции, куда мы и направились. На самой южной оконечности Манхэттена можно сесть на паром, который привезет вас сначала на остров Свободы (Либерти-айленд), где высится Леди Либерти, она же статуя Свободы, а оттуда – на Эллис. Хоть и в будний день, но народу было тьма, все, конечно, туристы, но вовсе не иностранные, а американцы, приехавшие из разных штатов. Разглядывая их, я невольно вспомнил два наблюдения Ильфа и Петрова: «Больше всего американцы курят «Лаки Страйк» в темно-зеленой обертке с красным кругом посередине, «Честерфилд» в белой обертке

с золотой надписью и «Кэмел» – желтая пачка с изображением коричневого верблюда». И еще: «Американцы по своей природе – жующий народ. Они жуют резинку, конфетки, кончики сигар, их челюсти постоянно движутся, стучат, хлопают». Рассматривая американскую толпу, легко было убедиться в том, что ныне курить в Америке – не «кул», не круто. Даже на воздухе, где в отличие от любых публичных помещений курение не запрещено, почти не видно дымка, не слышно запаха горящего табака. В этом Америка преуспела. Как же добились этого? Понятно, не тем, что сумели довести до сознания всех вред курения – об этом знают даже аборигены в Австралии, но мир меньше курить не стал. Дело в другом: в Америке сумели сделать так, что курение оказалось немодным, чем-то скорее не совсем приличным, как ковыряние в носу. Сумели сделать из некурящего человека пример для подражания – и именно в Америке это сработало как нигде в мире. Американцы считают себя абсолютными индивидуалистами, полагают, что их страна, как никакая другая, прославляет и превышает всего ценит индивидуальность. Это – миф. Нет второго народа, который был бы так готов следовать моде, встроиться в то, что становится эталонным. Модно бегать трусцой? Вся нация бежит, тяжело переводя дыхание. Модно худеть? Нация тратит миллиарды долларов на приобретение чудо-лекарств, от потребления которых вы похудеете на неслыханное количество паундов за две недели. Моден в этом году желтый цвет – вся на-

ция желтеет, словно лес осенью. На самом деле стадное чувство гораздо более свойственно американцу, чем англичанину, французу, итальянцу или русскому, и это, возможно, одна из причин, почему так легко управлять этим народом. И конечно, американцы остаются жующим народом. Рот у них занят постоянно – не только жвачкой, но чипсами, хот-догами, конфетами, мороженым, орешками и тому подобным. Буфет нашего парома беспрерывно торговал, но очередь не уменьшалась до самой статуи. Жара стояла такая, что под ногами асфальт слегка подавался. Очередь тех, кто желал попасть внутрь Мисс Либерти, растянулась на несколько сотен метров. Мы все заметили, что американцы смотрят на эту леди влюбленными глазами, но еще не понимали, что мы являемся свидетелями лишь одного из проявлений американского патриотизма, о котором я еще скажу. Я вдруг вспомнил слова одной известной американской киноактрисы, сказанные мне вскоре после 11 сентября 2001 года: «Знаете, если бы террористы взорвали статую Свободы, это было бы для нас хуже, чем то, что случилось с башнями-близнецами. Мы бы сошли с ума от горя и гнева». Походив вокруг «дамы» с факелом и отсняв натуру, мы, не проявив интереса к исследованию ее внутренностей, поплыли к Эллис-айленду и Музею иммиграции. Место это необыкновенно интересное, оно предоставляет посетителю возможность как бы стать одним из тех двенадцати миллионов, кто прошел здесь между открытием этого фильтрационного пункта в 1892 году и его

закрытием в 1954-м. Необычно наглядно представлены пути иммиграции, откуда, в какое время и из каких стран шла иммиграция, но, пожалуй, больше всего производит впечатление один экспонат, который отражает самую суть американского эксперимента. Представьте себе сделанный из пластмассы рифленый американский флаг длиной метров десять и порядка трех – высоты. Приближаясь к нему с одной стороны, вы видите звездно-полосатый стяг Соединенных Штатов Америки, но когда вы начинаете продвигаться вдоль него, вместо флага начинают появляться лица – черные, белые, желтые, мужские, женские, старые, молодые, детские, тысячи, десятки тысяч лиц тех, кто прошел здесь, кто приехал иностранцем, а потом, попав в американский «плавильный котел», стал американцем. А потом, пройдя в обратном направлении, вы видите, как лица постепенно сливаются в американский флаг. Кстати о «плавильном котле». За годы жизни и работы в Америке мне стало казаться, что котел начал барахлить, он уже не так уж и плавит. Скорее, можно говорить о «салате», разные части которого не сливаются воедино, а существуют рядом, все еще образуя нечто перемешанное, но не цельное. Некоторые, правда, утверждают, что и этого не стало, что новая иммиграция из Азии, Африки и Латинской Америки не смешивается с «настоящей» Америкой, словно вода и растительное масло. К этой теме я еще вернусь, но здесь скажу, что для человека, который хочет понять, нет, почувствовать Америку, посещение Эллис-айлен-

да совершенно необходимо. День был предельно насыщен, вечером, еле волоча ноги, мы с Иваном добрались до той самой гостиницы и того самого номера, в котором целый месяц провели Ильф и Петров. Они писали: «Поздно ночью мы вернулись в отель, не разочарованные Нью-Йорком и не восхищенные им, а скорее всего встревоженные его громадностью, богатством и нищетой». Мы тоже не были ни разочарованы, ни восхищены – Москва ничуть не меньше Нью-Йорка, в ней богатства и нищеты тоже предостаточно, что, впрочем, мало кого тревожит. На самом деле Нью-Йорк много богаче Москвы, мне иногда кажется, что, хотя и говорят, что деньги не пахнут, в этом городе запах денег ощущается. На Уолл-стрит, в финансовом центре Америки, если не сказать мира, Ваня Ургант присел около слива у обочины, откуда валил густой пар. Взмахами рук он направил пар на свое лицо и, несколько раз втянув его запах носом, сказал: «Вот так пахнут деньги, дорогие мои». В течение всей нашей поездки по этой сказочно богатой стране мы встречались с такой нищетой, что могло показаться, будто мы находимся в Бангладеш, и это, в самом деле, вызывало у меня не столько чувство тревоги, сколько недоумение: ну как может существовать такая бедность при таком богатстве? Американцы в этом смысле обладают каким-то особым зрением: они этого не видят. Все устроено так, что пути бедных и богатых не пересекаются почти никогда. Есть Нью-Йорк для богатых, есть для обеспеченных, есть для более или менее преуспе-

вающих, а есть для бедных. Это совершенно разные районы города, они не похожи друг на друга, там все выглядит иначе – магазины, дома, сами улицы, и их жители редко выходят за пределы своего... ну, как бы это сказать, не гетто, конечно, но территории. Побывав в бывшем отеле «Шелтон», мы спустились и, собравшись группой, разбили о тротуар тарелку, после чего каждый взял себе один кусочек. На этом настоял наш режиссер Валерий Спирин. Как он объяснил, так заведено у документалистов; когда работа будет завершена, мы вновь встретимся и по кусочкам соберем эту самую тарелку. Если не соблюсти этот ритуал, сказал он, ничего из нашей затеи не получится. Я хотел спросить, гарантирует ли соблюдение ритуала успех нашему предприятию? Но почему-то не спросил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.